

В. Г. Белинский

Сто русских литераторов. Том второй

Виссарион Григорьевич Белинский

Сто русских литераторов. Том второй

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2778475

Аннотация

Тезис «у нас нет литературы», с которым В.Г. Белинский выступил еще в «Литературных мечтаниях» и который был подробно развит в статье «Русская литература в 1840 году», обосновывается в данной статье на материале второго тома альманаха А. Ф. Смирдина. Резкий отзыв о рецензируемом издании – оно, пишет Белинский, убеждает лишь «в существовании... русских типографий» – связан со стремлением расчистить литературную почву от псевдохудожественных наслоений.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Виссарион Григорьевич Белинский Сто русских литераторов. Том второй

*Издание книгопродавца А. Смирдина. Том
второй. Булгарин. Вельтман. Вережкин. Загоскин.
Каменский. Крылов. Масальский. Надеждин.
Панаев. Шишков. Санкт-Петербург. 1841.*

Наконец, после долгих ожиданий, из темной и таинственной области великих замыслов и предприятий появился на свет божий второй том «Ста русских литераторов»!..^[1] Важное и торжественное событие для русской литературы!.. Среди микроскопических явлений книжного мира в настоящее время, когда романы, вместо прежних заветных четырех частей, обыкновенно являются в двух тоненьких книжечках, разгонисто напечатанных, или, отчаявшись найти себе читателей, растягиваются на страницах пяти-шести книжек иного объемистого журнала, – теперь книга «Сто русских литераторов» – это настоящий слон, тяжело и величаво шагающий между кротами и кузнечиками в пустыне русской лите-

^[1] Первый том «Ста русских литераторов» вышел в 1839 г.; рецензию Белинского на этот том см.: наст. изд., т. 2, с. 399–406.

ратуры, поросшей глухою травой. Второй том «Ста русских литераторов» – явление великое по толщине и не менее великое по своему значению: оно отмечено перстом судьбы и предназначено к решению великой задачи. Это особенно доказывается его несвоевременным, столь поздним появлением в свет. Явись он в свое время, когда был обещан публике издателем, то есть с небольшим год назад, – и его значение, его смысл навсегда были бы утрачены для публики: публика, после нескольких неудачных попыток дочесть – не говорим, эту толстую книгу, но хоть что-нибудь в ней, – выронила бы ее из рук. Но теперь другое дело: теперь эта книга явилась в самую пору, чтоб окончательно решить самый современный, самый свежий вопрос – вопрос о существовании русской литературы... Для тех, кому слова наши показались бы загадочными, мы должны заметить мимоходом, что в последнее время снова возникли сомнения в существовании русской литературы^[2]. Скептицизм так далеко зашел, что некоторые дерзкие умы признают истинными и великими талантами только Пушкина да еще трех-четырех человек, из которых один явился задолго до Пушкина, другой при начале, третий при конце, а четвертый после его жизни;^[3] всё же прочее считают более или менее удачными стремлениями

^[2] Критик подразумевает собственные выступления.

^[3] Критик – опять-таки – имеет в виду самого себя; четыре писателя, обладающие «истинными» талантами, – вероятнее всего, И. А. Крылов, Н. М. Карамзин, Н. В. Гоголь и М. Ю. Лермонтов.

и порываниями к поэзии, — но по большей части пустоцветами словесного мира. Но и подобное мнение, как ни отважно оно, куда бы еще ни шло; хуже всего то, что и на таланты, которые они сами признают за истинные и великие, эти раскольники смотрят как на явления общечеловеческие... Хотя мы с ними и нисколько не согласны, но, признаемся, их возражения не раз приводили нас в смущение и заставляли задумываться. «Посмотрите, — говорили они нам, — посмотрите на эти петербургские сады и острова — ведь это деревья, и еще с листьями, а это розы, и еще в полном цвету, а все-таки они отнюдь не доказывают, чтоб теперь в Петербурге была весна или лето». Так как, читатели, мы решительно не верим существованию не только весны или лета, но даже и зимы в Петербурге, но круглый год видим в нем одну продолжительную, мрачную, холодную, сырую, грязную и нездоровую осень, — то это доказательство скептиков, против воли нашей, имело для нас свою сторону очевидности. В самом деле, если деревья, без весны и лета, но в осеннюю слякоть могут одеваться зеленью, а розы распускаться пышным цветом, — то почему же иному языку не гордиться несколькими великими созданиями поэзии, в то же время совсем не имея литературы?... Конечно, сравнение не всегда доказательство, и все это, может быть, только парадокс, но парадокс, надо сознаться, очень ловкий, так что его легко принять и за истину. Но теперь вопрос этот решается просто и удовлетворительно: второй том «Ста русских литераторов» неоспоримо убе-

дит всякого в существовании... русских типографий... русской литературы, хотели мы сказать...^[4]

В самом деле, подумайте о деле посерьезнее, поосновательнее, и ваш скептицизм исчезнет перед толстою книжищею «Ста», как исчезает туман перед восходом солнечным. *Сто литераторов*, сто современных, живых еще (т. е. здравствующих) литераторов, – шутка ли это!.. Двадцать из них уже предстали пред российскую публику^[5], каждый с повестью или каким-нибудь рассказом, а при них с картинкою, портретом собственной особы и еще с факсимилем, – так что, по остроумному выражению одного из двадцати, публика может видеть и голову «сочинителя», и то, что есть лучшего в ней, то есть «мозги», как остроумно выражается тот же «один из двадцати»^[6]. Говорят, что по почерку можно заключать о характере человека: следовательно, в отношении к писателям, публика и с этой стороны удовлетворена толстым альманахом г. Смирдина: по собственноручной подписи своих знаменитых имен гг. Зотовым, Масальским и Веревкиным она может судить и о личных характерах сих знатных «сочинителей». Итак, посмотрите, какая богатая литература:

^[4] «Остраненная» характеристика собственных взглядов соответствует ироническому контексту всего абзаца.

^[5] Десять литераторов, которые были представлены в первом томе «Ста русских литераторов», – Александров, Бестужев (Марлинский), Давыдов, Зотов, Кукольник, Полевой, Пушкин, Свиньин, Сенковский, Шаховской.

^[6] Имеется в виду помещенная в первом томе альманаха повесть О. И. Сенковского «Превращение голов в книги и книг в головы» (1839).

вот уже ничего не видя – двадцать литераторов услаждают наш вкус и зрение своими произведениями и своими портретами, и мы готовимся увидеться еще с целыми восемьюдесятью персонами в этом роде.

Правда, из двадцати, представленных публике добродушным усердием г. Смирдина, шестерых уже нет на свете^{7}, а несколько из умерших и из живых совершенно неизвестны публике своими литературными заслугами; но что до первых, они умерли недавно, и из них только Пушкин не дождался радости увидеть себя рядышком с Рафаилом Михайловичем Зотовым; а что до вторых, – если они не написали до сих пор ничего порядочного и заслуживающего хоть какого-нибудь внимания со стороны публики к их портретам и факсимiliaм, то они еще напишут; следовательно, это не важное обстоятельство. Разумеется, те из них, которые умерли, не успевши написать ничего такого, что могло бы дать им право на звание литераторов и сделать интересными их портреты, как, например, г. Веревкин, – уже ничего и не напишут; но в этом виноваты не они, а ранняя смерть их, не давшая времени развернуться их талантам, которых существование, вероятно, не без основания предполагалось г. Смирдиным – сим тонким знатоком и ценителем талантов. Итак, двадцать уже представлены, и восемьдесят литераторов в непродолжительном времени имеют быть представ-

^{7} Критик имеет в виду Пушкина, Бестужева-Марлинского, Давыдова, Свинына, Веревкина и Шишкова.

лены российской публике – самой добрейшей, самой расположенной ко всему печатному (особенно с картинками) из всех бывших, сущих и будущих публик. И это всё живых, с немногим только числом, и то недавно, так сказать, на днях умерших литераторов; но тут нет и не будет ни Ломоносова, ни Сумарокова, ни Державина, ни Хераскова, ни Петрова, ни даже Батюшкова, Грибоедова, Веневитинова и других, умерших ранее 1837 года. И потому, не считая их – целых сто литераторов, наших современников, литераторов настоящего времени, настоящего мгновения: какое богатство, какое обилие! Да это хоть бы Англии, хоть бы Франции, хоть бы Германии!.. «Да откуда же их набралось столько, откуда возьмут других?» – восклицает пораженная недоумением и радостью публика. Как откуда? – Вольно ж вам не знать русской литературы, не следить за ее ходом, развитием, успехами, не затвердить имен ее неугомонных деятелей, ее благородных представителей... «Но, – говорите вы, – Пушкин уже был, Крылов тоже явился; следовательно, остаются только Жуковский, Одоевский, Лажечников, Гоголь, Лермонтов, да разве еще двое-трое – и все тут». Во-первых, из всех этих, может быть, вы ни одного и не увидите: мы не утверждаем этого наверное, но предполагаем не без основания; а во-вторых, эти все отнюдь не все, и, кроме их, можно легко набрать не только сто, но, с маленькою натяжкой, и целых двести. Вот несколько знаменитых имен на выдержку, для примера: г. Воскресенский, автор многих превосходных романов,

московский Зотов; г. Славин, что прежде был г. Протопопов и г. Пртрпрпппрррв – московский Тальма, Кин, актер и сочинитель; г. Межевич, наш русский Жюль Жанен, он же и г. Л. Л.; гг. Ленский и Коровкин – достойные соперники Скриба; г. Марков, удачный подражатель самой занимательной части романов Поль де Кока, – сочинитель, талант которого до того преисполнен комического элемента, что сумел до слез насмешить публику даже Александром Македонским^[8] – предметом несколько не смешным; г. Губер (по словам знаменитой афиши, изданной покойным Воейковым)^[9], не побоявшийся «побороться с великаном германской литературы и победивший его на смерть, так что «Фауста» можно считать на Руси решительно умершим; барон Розен, создавший русскую национальную драму;^[10] г. Тимофеев, наследник та-

[8] Рецензируя «историческое представление» М. Маркова «Александр Македонский», критик писал, что в нем «нет никакого содержания, а есть, вместо его, какая-то путаница, составленная из *пашей* Александра Македонского и *турецких барабанов* в оркестре его *македонской* фаланги...» (Белинский, АН СССР, т. IV, с. 475).

[9] Э. И. Губеру принадлежит первый русский перевод первой части «Фауста» на русский язык (1838 г.). В целом работа Губера получила доброжелательные отзывы критиков и читателей (см., например, письмо А. И. Герцена Н. А. Захарьиной от 26 февраля – 1 марта 1838 г. Герцен, т. XXI, с. 306); Белинский же отрицательно относился к этому переводу. «Афиша» А. Ф. Воейкова – объявление об издании им «Сборника на 1838 год...», где публиковались отрывки из перевода Губера.

[10] Е. Ф. Розен, входивший в литературное окружение Пушкина, являлся автором исторических драм «Осада Пскова» (1834), «Петр Басманов» (1835) и др., невысоко оценивавшихся критиком.

ланта и славы Пушкина, как очень остроумно было объявлено в журнале, обильно наполнявшемся «мистериями» г. Тимофеева;^{11} князь Мышицкий, автор волканического и вместе водяного, то есть морского романа «Сицкий»;^{12} г. Олин – отставной романтик, некогда известный журналист, газетчик, элегист, романист, драматург и пр. и пр.; г. Ободовский, известный переводчик и сочинитель разных лирических и драматических, больших и малых пьес – талант первостепенный и оригинальный; г. Сигов, некогда славный изданием альманахов, наполненных собственными его сочинениями, но теперь, к немалому огорчению российских муз, что-то замолчавший; г. Менцов, поэт даровитый и критик основательно тонкий; господа Степанов, Траум, Пожарский, Алексеев, Щеткин, Сушков, Кропоткин – поэты лирические, элегические, и все до одного – романтики; г. Федот Кузмичев, известный и знаменитый «автор природы», как он сам называет себя;^{13} г. Навроцкий, известный соперник Фонвизина

^{11} В 1835–1839 гг. А. В. Тимофеев публиковал свои произведения (в том числе и «мистерии») буквально в каждом номере «Библиотеки для чтения». О. И. Сенковский, редактор этого журнала, даже назвал его преемником Пушкина (см.: «Библиотека для чтения», 1837, т. XXI, отд. VI, с. 42). О популярности Тимофеева среди невзыскательных читателей свидетельствует пьеса Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь» (1838).

^{12} Рецензию на это подражание Марлинскому см.: наст. изд., т 3, с. 448–451.

^{13} Писатель-самоучка Ф. С. Кузмичев, один из наиболее плодovitых поставщиков лубочной литературы, называл себя не «автором природы», а «сыном природы».

и кандидат в гении, как он сам провозгласил себя^[14]; г. Бахтурин, известный лирик и драматург, второй в России после г. Полевого; г. Струйский, он же и Трилунный, прославивший себя пьесами в восточном духе, каковы: «Смертаил», «Одинил», «Стихоплетоил» и другие «илы»;^[15] г. Б. Ф(Θ)едоров, автор разных азбук и нравоучительных книжек для детей, поэт с сильным воображением, хотя и с полубогатыми виршами, прозаик образцовый, хотя и не совсем твердый в синтаксисе и орфографии;^[16] ну и прочие, и прочие, и прочие – всех не перечесть и на десяти страницах. А сколько издателей таких изданий, которые хотя только и наполняются, что моральными статьями и бранью против *толстых* журналов, в чаянии вызвать их на неприличный бой с собою и тем обратить на себя внимание публики, но которых тем не менее всё-таки никто не знает и не читает! Сколько сотрудников в этих неизвестных Изданиях и полуизданиях, которые с большим талантом и красноречием пишут об упадке

^[14] С. Н. Навроцкий, комедию которого «Новый недоросль» (точнее, ее первое действие) Белинский подверг жестокому разному в 1840 г. (см.: Белинский, АН СССР, т. IV, с. 334–336), отвечал критику «Литературным объяснением» («Северная пчела», 1840, № 245). В нем, между прочим, говорилось, что отзыв «Отечественных записок» «делает меня кандидатом в гении». Белинский же в полемических целях истолковал высказывание Навроцкого как неумеренное самовосхваление (см. также: Белинский, АН СССР, т. V, с. 86–89).

^[15] Критик иронически обыгрывает название стихотворения Д. Ю. Струйского (псевдоним – Трилунный) «Могучил» (1840).

^[16] О Б. М. Федорове см. примеч. 9 к рецензии на первый том «Русской беседы».

общественной нравственности и вкуса публики, основывая свое мнение на том, что общество и публика не хочет читать их нравственных сочинений, восхищаясь безнравственным Пушкиным и безнравственным Лермонтовым!^{17}

^{17} Критик имеет в виду журнал «Маяк», в котором объявлялся безнравственным «Герой нашего времени» (см.: «Маяк», 1840, ч. IV, гл. 4, с. 210–219).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания